

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ФАКТОР, ОБУСЛАВЛИВАЮЩИЙ СОДЕРЖАНИЕ И СОСТАВ СИСТЕМЫ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

© 2020

В.А. Лазарева, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара (Россия)

С.И. Вершинина, доктор юридических наук, доцент
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: уголовно-процессуальное принуждение; система мер пресечения; заключение под стражу; подписка о невыезде; процессуальный статус участников уголовного судопроизводства; полномочия органов расследования; процессуальные обязанности обвиняемого, подозреваемого.

Аннотация: Предпринимаемые российским законодателем попытки усовершенствовать систему мер пресечения путем внесения отдельных изменений в УПК РФ оказались малоэффективными. В целях решения данной проблемы выдвинута гипотеза, согласно которой уголовно-процессуальное принуждение необходимо рассматривать как систему, целостность и сбалансированность которой обусловлена внутренними и внешними факторами. В качестве одного из факторов, обуславливающих содержание, структуру, состав и объем института мер пресечения, рассмотрены процессуальные статусы должностных лиц и обвиняемых, подозреваемых, участвующих в правоотношениях по применению мер пресечения. По результатам исследования на основе системного подхода и диалектической методологии сформулированы и обоснованы предложения, направленные на создание оптимальной системы мер пресечения, в первую очередь посредством совершенствования процессуального статуса участников уголовного судопроизводства. В частности, предложено: 1) применение мер пресечения считать обязанностью должностного лица, осуществляющего процессуальную деятельность на соответствующем этапе судопроизводства; 2) на законодательном уровне уточнить содержание контрольной функции суда при применении мер пресечения в досудебном производстве; 3) дополнить статьи 46 и 47 УПК РФ положениями, содержащими полный перечень процессуальных обязанностей подозреваемого и обвиняемого; 4) дифференцировать основания для разных видов мер пресечения; 5) установить обязательность получения согласия обвиняемого, подозреваемого на применение мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей; 6) изменить структуру института мер пресечения, выделив основные (подписка о надлежащем поведении и заключение под стражу) и альтернативные или дополнительные (остальные виды) меры пресечения.

ВВЕДЕНИЕ

18 июля 2019 года в Москве по инициативе Комитета Совета Федерации ФС РФ по конституционному законодательству и государственному строительству состоялся круглый стол, предметом рассмотрения которого стало совершенствование механизма избрания и продления заключения под стражу, залога и иных мер пресечения. Выступавшие на круглом столе говорили о несовершенстве порядка применения отдельных мер пресечения, высказывали предложения о модернизации соответствующих норм уголовно-процессуального права. Действительно, потребность в серьезном обсуждении механизма применения мер пресечения давно назрела, о чем свидетельствует российская правоприменительная практика. Несмотря на предпринятое законодателем в последнее десятилетие дополнение норм УПК РФ, регламентирующих применение заключения под стражу, домашнего ареста, залога, а также введение новой меры – запрета определенных действий, Россия по-прежнему находится в лидерах по количеству обращений в Европейский суд по правам человека¹, в том числе жалоб, связанных с длительностью и обоснованностью заключения под стражу, с ус-

ловиями содержания под стражей и жестоким обращением с задержанными².

Все это доказывает, что попытки законодателя улучшить ситуацию путем внесения отдельных изменений в нормы УПК РФ, регулирующие меры пресечения, оказались малоэффективными. Соответственно, не привело и, как мы думаем, не может привести к сколь-нибудь серьезным результатам состоявшееся в Совете Федерации РФ обсуждение, на котором внимание как практиков, так и теоретиков главным образом было сосредоточено на отдельных правовых нормах или на недостатках практики применения мер пресечения.

Полагаем, что решение данной проблемы требует системного подхода, позволяющего рассмотреть уголовно-процессуальное принуждение как целостную систему, обладающую внутренним единством, содержанием и структурой; раскрыть структурные связи и отношения между мерами принуждения с позиции их целостности и достаточности для достижения поставленных целей; проанализировать внешние факторы, обуславливающие существование и развитие процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве и выявить закономерности функционирования каждой конкретной меры принуждения. Используя системный подход при рассмотрении действующей системы мер пресечения, можно наиболее точно обозначить

¹ См.: *Annual report European Court of Human Rights 2018* // *European court of human rights*. URL: echr.coe.int/Documents/Annual_report_2018_ENG.pdf; ЕСПЧ подвел итоги 2018 года: Россия лидер по числу жалоб и нарушений // *Право.ru*. URL: pravo.ru/news/208489.

² Статистика ЕСПЧ (данные РФ в статистике суда) // *Euroclaim.ru*. URL: euroclaim.ru/rossiya-i-espch-statistika/.

«слабые», с позиции правового регулирования, места и предложить направления и способы их устранения.

В настоящее время правовой институт «уголовно-процессуальное принуждение» можно по праву отнести к числу развивающихся. Меняется правовая регламентация порядка применения отдельных мер принуждения (в том числе мер пресечения), возникают новые меры пресечения (запрет определенных действий), совершенствуется и одновременно обрастает новыми ошибками практика их применения. Изучая новые процедуры и практики России и других государств [1–3], можно отметить, что теория уголовного процесса во многих вопросах, связанных с применением мер пресечения, сохраняет дискуссионность. Не меньше вопросов возникает при рассмотрении общей концепции мер пресечения [4–6]. Включаясь в эту дискуссию, рассмотрим меры пресечения на основе системного подхода, через призму факторов, обуславливающих целостность и существование любой системы. В общей теории систем в качестве таких факторов рассматривают структуру и состав системы, ее функционирование и внешнюю среду, в пределах которой она функционирует [7].

Цель исследования – разработка системы мер пресечения, основанной на учете внешних системообразующих факторов, обеспечивающих оптимальное и эффективное функционирование всей системы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Учитывая, что внутренние составляющие любой системы обусловлены внешними факторами, системный анализ мер пресечения целесообразно начать с изучения среды, в которой функционирует данный институт. Общеизвестно, что уголовно-процессуальное принуждение реализуется посредством правоотношений с участием двух субъектов – должностного лица, осуществляющего производство по уголовному делу, и обвиняемого, подозреваемого. Каждый из субъектов данного правоотношения обладает соответствующими правами (правомочиями) и обязанностями, образующими в своем единстве правовой (процессуальный) статус субъекта. Для органов расследования и суда процессуальный статус определяется полномочиями на ведение предварительного расследования или судебного разбирательства, в том числе на применение мер принуждения. Процессуальный статус обвиняемых, подозреваемых составляют процессуальные права, а также обеспечиваемые мерами принуждения процессуальные обязанности. В таком контексте процессуальные полномочия лица, ведущего производство по делу, и обязанности обвиняемого, подозреваемого выступают внешними по отношению к мерам принуждения факторами, определяющими содержание, состав и объем необходимого и возможного принуждения. Насколько эти факторы учитываются законодателем, можно увидеть при анализе положений УПК РФ, регламентирующих указанные полномочия, права и обязанности участников.

1. Процессуальный статус должностных лиц. В соответствии со ст. 38 УПК РФ, при производстве предварительного следствия следователь уполномочен принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением тех, на производство которых требуется получение судебного решения и/или согласия руководителя следственного ор-

гана. Среди решений, которые в том числе в ходе досудебного производства правомочен принимать только суд, ч. 2 ст. 29 УПК РФ называет избрание и продление меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога, запрета определенных действий.

Указанная норма однозначно определяет суд как субъекта, уполномоченного принимать решения о применении в ходе предварительного расследования заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий, что отмечается всеми исследователями, изучающими данный вопрос [8–10]. Вместе с тем в нормах, регулирующих порядок применения запрета определенных действий (ч. 3 ст. 105.1 УПК РФ), домашнего ареста (ч. 4 ст. 107 УПК РФ) и заключения под стражу (ч. 3 ст. 108 УПК РФ), в качестве лиц, от которых зависит их применение, указаны следователь, действующий с согласия руководителя следственного органа, и дознаватель, действующий с согласия прокурора. Дуализм в определении субъекта принятия решения о применении наиболее строгих мер пресечения очевиден. Он негативно влияет на процесс избрания меры пресечения, а также создает сложности в определении субъекта, возмещающего вред в случае незаконного применения мер процессуального принуждения. На последнее обстоятельство указала О.А. Малышева, выступая на круглом столе, организованном Комитетом Совета Федерации Федерального Собрания РФ по конституционному законодательству и государственному строительству 18 июля 2019 года по теме «Совершенствование механизма избрания и продления заключения под стражу, залога и иных мер пресечения»³.

Очевидно, что каждое официальное лицо должно действовать в соответствии с его функционалом, определенным законом для соответствующей стадии уголовного процесса. Предварительное расследование, в соответствии с ч. 1 ст. 151 УПК РФ, – сфера деятельности органов следствия и дознания, именно они отвечают за конечный результат расследования, принимают все необходимые для этого решения и совершают процессуальные действия. Вопрос о применении принудительных мер не является исключением: в случае неисполнения участником уголовного процесса своих процессуальных обязанностей орган расследования принимает соответствующее решение и осуществляет действия по его исполнению. Так, обращение следователя в суд с ходатайством о заключении обвиняемого, подозреваемого под стражу означает, что им не только принято мотивированное решение о применении меры принуждения, но и осуществлены меры по его исполнению – произведено задержание. Рассмотрение судом ходатайства о применении меры пресечения есть проявление функции судебного контроля законности и обоснованности решения органа расследования, безотлагательность которого в данном случае обусловлена ограничением конституционных прав и свобод личности.

³ А. Карлин провел «круглый стол» на тему «Совершенствование механизма избрания и продления заключения под стражу, залога и иных мер пресечения» // Комитет Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству.
URL: legislation.council.gov.ru/events/news/106639/.

Иное толкование искажает функцию суда в досудебном производстве, разрушает основанный на принципе состязательности баланс сторон. Роль суда в досудебном производстве – исключительно контрольная, никогда не инициативная. Обращение органа предварительного расследования в суд с любым ходатайством есть форма получения разрешения на совершение действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности. Иными словами, решение о применении любой меры пресечения на досудебном производстве принимает следователь, но решение о применении связанных с ограничением конституционных прав и свобод мер исполняется лишь при подтверждении его законности и обоснованности судом. При этом обвиняемый в сложной для него жизненной ситуации получает доступ к правосудию автоматически, т. е. он избавляется от необходимости инициирования судебного контроля посредством жалобы.

С учетом сказанного и для формирования единообразного понимания роли суда в ходе досудебного производства предлагаем изменить формулировки п. 1 и 2 ч. 2 ст. 29 УПК РФ и вместо слов «суд правомочен принимать решения об избрании меры пресечения и/или продлении срока применения», использовать «суд правомочен принимать решения о согласии на применение мер пресечения и/или о согласии на продление срока применения».

Следующий нуждающийся в уяснении вопрос касается правового режима полномочий должностного лица, применяющего меру пресечения. В ч. 1 ст. 97 УПК РФ применение меры пресечения сформулировано как *право* следователя, дознавателя, суда, которым они при наличии обстоятельств, перечисленных в ч. 2 этой статьи, могут, но не обязаны воспользоваться. Однако перечень этих обстоятельств не позволяет рассматривать применение меры пресечения как правомочие. Не случайно в ряде норм главы 13 УПК РФ проводится мысль – мера пресечения применяется при наличии необходимости в ней, а *обязанность* применить меру пресечения при наличии необходимости в ней подразумевается. Собственно говоря, и основания применения мер пресечения сформулированы таким образом, который позволяет считать, что мера пресечения применяется при наличии необходимости избежать тех вредных последствий, которые могут наступить в случае непринятия соответствующих мер. Рассуждая далее, понимаем, что, если эта мера необходима, следователь не может уклониться от ее применения, он обязан совершить диктуемые этой необходимостью действия, а значит, перед ним не может стоять вопрос, воспользоваться ли правом, но может стоять и реально стоит вопрос о том, какое ограничение он *обязан* применить для устранения угрозы расследованию.

Еще один нюанс связан с используемой законодателем терминологией. Обратим внимание на формулировку ч. 1 ст. 97 УПК РФ: должностное лицо вправе *избрать*, а не применить меру пресечения. Очевидно, что решение об избрании меры пресечения орган расследования или суд могут принять, если предварительно положительно решен вопрос о применении меры пресечения. Отсюда необходимость в разграничении двух процессуальных решений: 1) решение о применении меры пресечения; 2) решение об избрании меры

пресечения. Первоначально на уровне обязанности должностное лицо принимает решение о применении меры пресечения, а затем, реализуя свое правомочие, избирает одну из предусмотренных законом мер пресечения. Следовательно, правовой режим полномочий по применению мер пресечения имеет двуединую природу: при наличии соответствующих оснований должностное лицо обязано принять решение о применении меры пресечения, после чего оно реализует правомочие на выбор меры пресечения, обеспечивающей надлежащее поведение обвиняемого с наименьшим стеснением его прав и свобод.

2. Процессуальный статус обвиняемого, подозреваемого. В действующем регулировании процессуального статуса обвиняемого, подозреваемого очевиден дисбаланс между правами и обязанностями. При детальном закреплении УПК РФ процессуальных прав этих участников на всех стадиях судопроизводства до недавнего времени отсутствовала сама категория «процессуальные обязанности обвиняемого», хотя наличие обязанностей при применении к обвиняемому, подозреваемому меры пресечения предполагается. Как минимум, неисполнение процессуальных обязанностей вызывает изменение меры пресечения на более строгую. После введения в УПК новой меры пресечения – запрета определенных действий – термин «обязанности обвиняемого» обрел юридическое звучание, но не как элемент процессуального статуса, а лишь как часть содержания новой меры пресечения. По смыслу закона запрет определенных действий «заключается в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанностей своевременно являться по вызовам, соблюдать один или несколько запретов, а также в осуществлении контроля за соблюдением возложенных на него запретов». Полагаем, в данном случае допущена подмена понятий – вместо обременений, составляющих содержание любой меры пресечения, законодатель указывает процессуальные обязанности, для обеспечения которых и применяются меры пресечения.

Стоит напомнить, что процессуальное принуждение необходимо для того, чтобы обеспечивать надлежащее исполнение процессуальных обязанностей, возложенных на участника в момент приобретения им процессуального статуса. Именно поэтому процессуальные обязанности участников судопроизводства должны быть закреплены в УПК РФ. Особенно важно правовое регулирование обязанностей обвиняемых, подозреваемых, в отношении которых возможно максимальное принуждение в превентивных целях, вплоть до заключения их под стражу. Отсутствие правового закрепления обязанностей ведет к бесцельному применению мер пресечения, а непонимание целей применения мер пресечения, как верно отметил А.С. Барабаш, – «одна из причин, вызывающих нарушение прав человека» [11, с. 184]. Применение мер принуждения вне связи с процессуальными обязанностями стирает грань между мерами пресечения и наказанием и часто приводит к их отождествлению. Поэтому уже сейчас, устраняя правовой вакуум в этом вопросе, следует дополнить ст. 46 и 47 УПК РФ перечнем процессуальных обязанностей, чтобы, приобретая статус подозреваемого или обвиняемого, лицо получало исчерпывающее представление не только о своих правах, но и о процессуальных обязанностях. Отметим, что

процессуальные обязанности имеют значение и могут возлагаться только на обвиняемых, подозреваемых, находящихся на свободе. У обвиняемых, заключенных под стражу, процессуальные обязанности модифицируются в обязанности лица, содержащегося под стражей.

Анализируя ч. 1 ст. 97 УПК РФ и ориентируясь на процессуальный статус подозреваемого, обвиняемого, находящегося на свободе, можно выделить общие обязанности обозначенных участников:

- являться по вызову органа расследования или суда;
- не покидать место жительства без разрешения органа расследования или суда;
- не мешать производству по уголовному делу (не уничтожать и не фальсифицировать доказательства, не запугивать и не подговаривать свидетелей и т. п.).

Принятием ст. 105.1 УПК РФ законодатель пытается конкретизировать отдельные из этих обязанностей, например обязанности не покидать место жительства в определенные периоды времени, не посещать отдельные объекты или мероприятия, не вступать в отношения с конкретными лицами и т. д. Утверждать, что предложенная конкретизация достаточна и охватывает все модели обязанного (необходимого) поведения обвиняемого, подозреваемого, вряд ли можно. По всей видимости, в ст. 46 и 47 УПК РФ, наряду с общими обязанностями, вытекающими из смысла ч. 1 ст. 97 УПК РФ, следует закрепить обязанность исполнять обращенные к ним требования органа расследования и суда, а также соблюдать установленные ими запреты и ограничения.

Механизм исполнения рассматриваемых обязанностей неодинаков. В большинстве случаев должное поведение лица достигается принятием личного обязательства соблюдать установленные законом правила. Исполнение других обязанностей, например обязанности не выходить в определенное время за пределы места жительства или не посещать определенные места, может контролироваться применением технических средств. Однако в любом случае, если обвиняемый не согласен исполнять ту или иную обязанность, планирует скрыться или мешать производству по уголовному делу, такое незначительное ограничение его свободы не способно устранить угрозу ненадлежащего поведения. Корреляция между налагаемыми на обвиняемого обременениями и теми целями, достижению которых они служат, не только обеспечивает исполнение обязанностей, но и позволяет избежать чрезмерных ограничений свободы лица, еще не признанного виновным.

Рассмотрим этот вопрос в контексте Токийских правил⁴, два пункта которых имеют прямое отношение к теме нашего исследования. Согласно п. 2.6, «не связанные с тюремным заключением меры следует применять в соответствии с принципом минимального вмешательства»; п. 3.4 гласит, что «не связанные с тюремным заключением меры, которые накладывают какое-

либо обязательство на правонарушителя и которые применяются до формального разбирательства или суда, или вместо них, требуют согласия правонарушителя». Исходя из приведенных предписаний, суть мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей, заключается в получении от обвиняемого, подозреваемого согласия на применение ограничений и дальнейшем добровольном их соблюдении, при этом применяемые ограничения (обременения) не должны быть чрезмерны.

В российском законе нет четкого требования о получении согласия обвиняемого на применение мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей. Вместе с тем зачатки такого согласия можно обнаружить в обязательстве о явке и надлежащем поведении, а также в содержании таких мер пресечения, как подписка о невыезде, личное поручительство и наблюдение командования воинской части. Другие меры пресечения, не связанные с тюремным содержанием (присмотр за несовершеннолетним, запрет определенных действий, залог), не предусматривают получения от обвиняемого согласия, а также взятия каких-либо обязательств. Если отсутствие согласия в первой мере пресечения можно объяснить несовершеннолетним возрастом обвиняемого и участием его законного представителя, то по остальным мерам пресечения найти объяснение сложно.

Отсутствие согласия на применение мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей, российский законодатель компенсирует судебным порядком применения запрета определенных действий и залога. Если залог, как альтернатива заключению под стражу, действительно не может быть применен без судебного решения, то относительно запрета определенных действий признать решение законодателя удачным нельзя. Судебные процедуры не могут заменить волеизъявление обвиняемого, подозреваемого, они лишь делают производство более громоздким, а меры пресечения – мало применяемыми. Не спорим, любое усложнение производства оправданно и необходимо, если есть вероятность нарушения прав и свобод человека. Если же применение ограничений требует согласия принуждаемого и такое согласие получено, то основания рассматривать данное ограничение в качестве нарушения прав обвиняемого отсутствуют, и обращение в суд за разрешением становится лишним. В применении и последующем соблюдении меры пресечения, не связанной с содержанием под стражей, есть прямой интерес обвиняемого, и в этом гарантия его надлежащего поведения. При отсутствии же согласия обвиняемого судебное решение не только не нужно, но и неэффективно – оно не может гарантировать соблюдение обвиняемым возложенных на него обязанностей. Учитывая сказанное, полагаем разумным отказаться от судебного порядка применения запрета определенных действий и предоставить органам расследования возможность самим принимать решение о возложении на обвиняемого тех или иных ограничений при условии его согласия на добровольное выполнение предусмотренных в законе обязанностей.

Обсуждая проблему чрезмерности ограничений прав обвиняемых, находящихся на свободе, обратим внимание на необходимость соблюдения принципа минимального вмешательства при формировании системы мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей.

⁴ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила). Приняты резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 г. // Организация объединенных наций. Конвенции и соглашения. URL: un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml.

Этот принцип означает, что все меры пресечения и содержащиеся в них ограничения должны оцениваться с позиции необходимости и достаточности для обеспечения надлежащего поведения обвиняемого, соответствующего его процессуальному статусу и установленному порядку уголовного судопроизводства. Чтобы не допустить чрезмерного ограничения прав обвиняемых, следует акцентировать внимание правоприменителя на обязательности получения согласия обвиняемого на применение мер пресечения, а также предоставить обвиняемым, подозреваемым возможность судебного обжалования решений о применении любой меры пресечения, если они считают примененное ограничение чрезмерным.

3. Основания, цели и система мер пресечения.

Согласование полномочий, обязанностей и прав участников в процедуре применения и избрания мер пресечения обуславливает необходимость более четкой дифференциации оснований для применения мер пресечения и обстоятельств, обуславливающих избрание одной из них. Формально закон проводит разделение между основаниями применения меры пресечения и основаниями ее выбора. В уголовно-процессуальной науке принято считать, что в ч. 1 ст. 97 УПК РФ содержатся основания применения меры пресечения, а в ст. 99 УПК – наиболее значимые обстоятельства, учитываемые при выборе меры пресечения, соответствующей конкретной ситуации: тяжесть преступления, сведения о личности, возраст, состояние здоровья, семейное положение и т. д. [12–14]. Однако такой вывод, с нашей точки зрения, ошибочен.

Ст. 97 УПК РФ сконструирована таким образом, что для применения всех мер пресечения предусмотрены одинаковые основания. Никакого намека на связь какой-либо меры с какими-либо определенными обстоятельствами закон не содержит. Естественно, это затрудняет избрание конкретной меры пресечения на практике, оставляет ее выбор на усмотрение правоприменителя, но не вооружает его четкими критериями отбора. Единственное, что можно обнаружить, это указание на применение наиболее строгих мер пресечения при невозможности применения иной, более мягкой меры (ст. 107, 108 УПК РФ). Однако закон не обозначает, какие обстоятельства могут указывать на такую невозможность.

Если проанализировать указанные в ст. 97 УПК РФ обстоятельства, становится очевидным, что при угрозе возникновения любого из них надлежащее поведение обвиняемого может быть обеспечено только заключением его под стражу. Сказанное означает, что ч. 1 ст. 97 УПК РФ «работает» только на одну меру пресечения. В каких-то случаях заключение под стражу можно заменить его мягкой альтернативой – домашним арестом. Все остальные меры пресечения не смогут предупредить указанное в статье противоправное поведение лица, так как, оказывая психологическое воздействие, они фактически выступают факторами морального сдерживания: лицо не уклоняется от следствия и суда, как и от совершения других противоправных поступков, в силу принятия на себя соответствующего обязательства и адекватной оценки возможных последствий его нарушения. Использование мер психологического принуждения может быть достаточно эффективным, однако рассмотрение их в качестве мер, призванных исключить

противоправное поведение обвиняемого, подозреваемого, представляется сомнительным, на что неоднократно обращалось внимание в процессуальной литературе [15; 16].

Что в таком случае является основанием для остальных, включенных в действующую систему мер пресечения? Как ни парадоксально, следует признать, что основанием для их применения выступает не наличие, а отсутствие обстоятельств, указанных в ст. 97 УПК РФ. Это давно и хорошо известно на примере подписки о невыезде: в постановлении о применении подписки о невыезде в графе «основания применения» следователь, как правило, указывает на отсутствие оснований полагать, что обвиняемый совершит новое преступление, скроется от следствия или иным образом будет мешать производству по делу, в том числе потому, что обвиняемый не судим и положительно характеризуется, имеет семью, постоянное место работы и жительства и т. д. Следовательно, если орган расследования пришел к выводу, что у обвиняемого, подозреваемого нет намерения скрываться, продолжать преступную деятельность и мешать расследованию, он принимает решение о применении мер, не связанных с содержанием под стражей. Таким же образом, хотя и значительно реже, применяются личное поручительство, специальные меры пресечения (для военнослужащих и несовершеннолетних), а также обязательство о явке, место которого в системе мер принуждения не имеет четкого и внятного обоснования. Если указанную ситуацию рассматривать в плоскости права, то налицо прямое нарушение положений ст. 97 УПК РФ, так как меры пресечения применяются не при наличии, а при отсутствии оснований, указанных в законе. До сих пор столь явное противоречие нормы права с практикой ее применения не привлекало пристального внимания процессуалистов, хотя исключение этой коллизии не только устранит несоответствие между законом и практикой, но и поставит законодателя перед необходимостью сформулировать основания для применения мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей.

Далее, исходя из содержания процессуальных обязанностей обвиняемого, подозреваемого, мы можем сформулировать цели мер пресечения и обозначить область применения для каждой из них. Следует учитывать, что статус подозреваемого, обвиняемого приобретает помимо воли лицом, в отношении которого имеются достаточные основания считать его причастным к совершению преступления. Указанное обстоятельство и следующая за ним перспектива наступления уголовной ответственности вызывают у обвиняемого, подозреваемого желание каким-либо образом повлиять на развитие процессуальной ситуации и ход расследования, в том числе уклониться от исполнения возложенных на него процессуальных обязанностей. На трудность прогнозирования поведения обвиняемого в части исходящей от него опасности для общества указывают и зарубежные исследователи [17]. Именно поэтому приобретение лицом статуса обвиняемого, подозреваемого не может не сопровождаться применением мер, направленных на предупреждение его возможного противоправного поведения и обеспечение исполнения процессуальных обязанностей. Отсюда предложение закрепить в законе правило об обязательности применения

меры пресечения к обвиняемому, подозреваемому незамедлительно, т. е. сразу после приобретения ими этого статуса. Предлагаемый алгоритм действий следователя может быть таков:

– при отсутствии обстоятельств, обозначенных в ст. 97 УПК РФ, следователь применяет одну из мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей;

– при наличии обстоятельств, обозначенных в ст. 97 УПК РФ, следователь выносит постановление о применении меры пресечения в виде заключения под стражу и о задержании лица, если он не был задержан ранее, и направляет постановление в суд для подтверждения законности и обоснованности принятого решения, т. е. для осуществления судебного контроля.

Предложенное решение позволяет обозначить формальное основание для применения мер пресечения – это приобретение лицом статуса обвиняемого, подозреваемого. Для применения мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей, должно быть достаточно наличия этого формального основания. Для применения заключения под стражу дополнительно потребуются установить обстоятельства, указанные в ст. 97 УПК РФ.

Следовательно, при первоначальном принятии решения о применении к подозреваемому или обвиняемому лицу меры пресечения ее выбор будет зависеть от решения вопроса: возможно ли оставление этого лица на свободе. При положительном ответе орган расследования (в судебном производстве – суд) применяет меры, не связанные с содержанием под стражей, при отрицательном избирается заключение под стражу. Осмелимся предположить, что упорно сохраняющаяся на практике тенденция к преимущественному использованию двух мер: заключения под стражу и подписки о невыезде – обусловлена именно этими обстоятельствами.

На первый взгляд, двух обозначенных мер пресечения достаточно для обеспечения установленного порядка уголовного судопроизводства. С другой стороны, наличие только двух этих мер ограничивает возможности обвиняемого, подозреваемого оставаться на свободе: малейшие сомнения в его законопослушности вызовут применение заключения под стражу. Не случайно в Токийских правилах отмечено, что «в целях обеспечения большей гибкости в соответствии с характером и степенью тяжести правонарушения, личностью и биографией правонарушителя, а также с интересами защиты общества и во избежание неоправданного применения тюремного заключения система уголовного правосудия должна предусматривать широкий выбор мер, не связанных с тюремным заключением»⁵. Учитывая данные факторы и обеспечивая баланс в соблюдении интересов государства, общества и участника, подвергаемого принуждению, предлагаем выстраивать систему мер пресечения по иерархической структуре, представленной на рис. 1. На первом, основном уровне следует оставить уже апробированные практикой две основные меры:

1) меру, не связанную с содержанием под стражей, например, подписку о невыезде и надлежащем поведении и 2) заключение под стражу. Предложенные выше основания для их применения позволят правоприменителю оперативно и обоснованно принять решение о выборе одной из них. На следующем уровне располагаются меры, имеющие альтернативный или дополнительный (факультативный) характер по отношению к основной мере пресечения. Для заключения под стражу в качестве альтернативы выступают домашний арест и залог. При избрании подписки о невыезде дополнительно могут применяться поручительство или контроль третьего лица (личного поручителя, законного представителя, командования воинской части) и запрет определенных действий. В этот ряд, при наличии достаточного обоснования, можно поставить и другие меры, не связанные с содержанием под стражей, которые предлагаются в уголовно-процессуальной литературе, например отдача под особый или полицейский надзор, изъятие паспорта или документа удостоверяющего личность гражданина [18; 19], и т. д.

Действующий перечень мер пресечения может быть дополнен новыми ограничениями (обременениями), которые, по справедливому замечанию К.В. Муравьева, могут применяться как отдельно, так и в совокупности [4], однако уже в нынешнем состоянии система мер пресечения достаточна, чтобы обеспечить соблюдение установленного порядка судопроизводства при наименьшем стеснении прав обвиняемых, подозреваемых. В связи с этим не можем согласиться с К.Б. Калиновским [20], Е.В. Марковичевой [21] и другими авторами, отмечающими дефицит мер пресечения в отечественном уголовном судопроизводстве. Нужно не придумывать новые меры пресечения, а переструктурировать существующую их систему, изменив ее кардинально. При обозначенном выше подходе все меры пресечения, не связанные с тюремным заключением, объединяются в общую комплексную меру – обязательство о надлежащем поведении. При отсутствии оснований для заключения обвиняемого под стражу должностное лицо применяет ее с тем объемом обременений, который наиболее максимально обеспечит исполнение им процессуальных обязанностей.

Предлагаемая организационно-иерархическая структура мер пресечения (рис. 1) позволит учитывать интересы участников судопроизводства как со стороны обвинения, так и со стороны защиты и сделает процесс применения мер пресечения прозрачным и понятным.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Данный подход позволил сформулировать следующие предложения, направленные на совершенствование системы мер пресечения.

Во-первых, провести ранжирование должностных лиц, применяющих меры пресечения на досудебных и судебных стадиях, с закреплением их полномочий на уровне правомочий и обязанностей по применению и избранию мер пресечения, изменив отдельные положения ч. 2 ст. 29 УПК РФ. Предлагается исходить из того, что все решения о применении и избрании мер пресечения на досудебном производстве принимает орган предварительного расследования, ведущий производство по уголовному делу. Суд же выполняет функцию

⁵ Пункт 2.3. Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила). Приняты резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 г. // Организация объединенных наций. Конвенции и соглашения. URL: un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml.

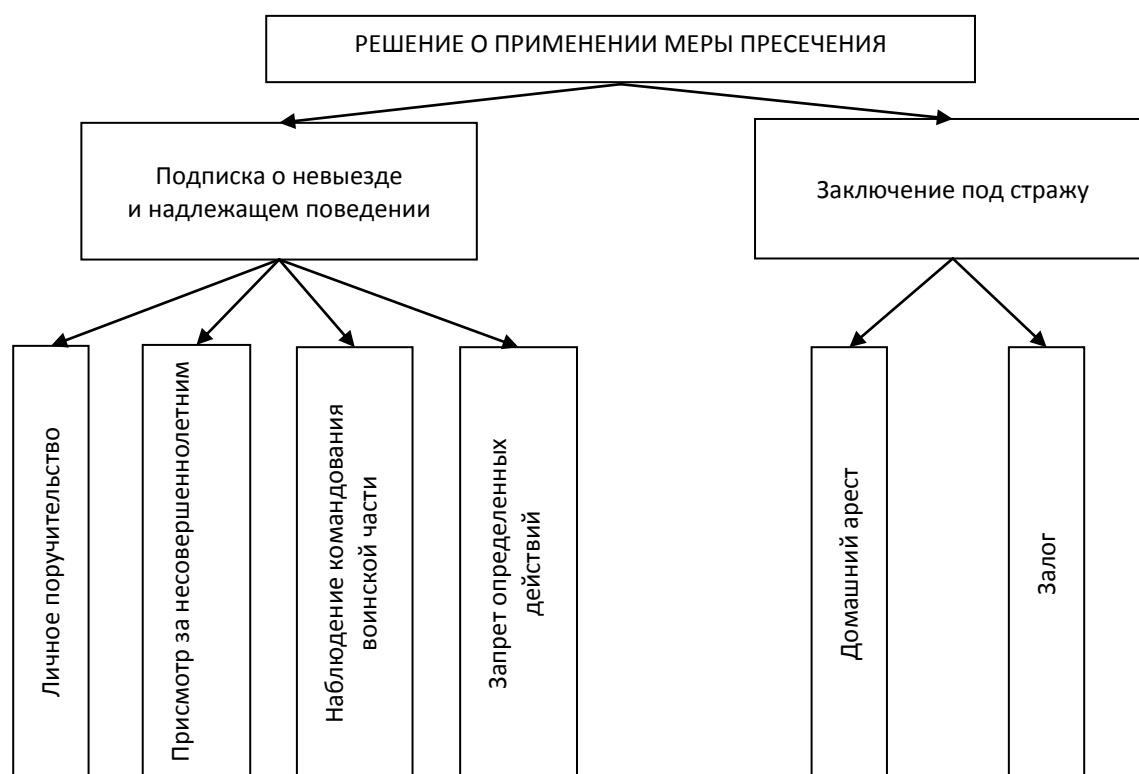

Рис. 1. Иерархическая (двухуровневая) система мер пресечения

судебного контроля, обеспечивая законность и обоснованность принятого следователем решения о применении заключения под стражу, а также дополнительных ограничений, применяемых в рамках мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей.

Во-вторых, для устранения пробелов в законодательстве и формирования единообразного понимания сути процессуального принуждения как средства обеспечения процессуальных обязанностей дополнить ст. 46 и 47 УПК РФ положениями, содержащими полный перечень процессуальных обязанностей подозреваемого, обвиняемого.

В-третьих, дифференцировать основания для разных видов мер пресечения. Для мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей, в качестве основания закрепить юридический факт – приобретение лицом процессуального статуса обвиняемого, подозреваемого. Для заключения под стражу основанием обозначить обстоятельства, содержащиеся в ч. 1 ст. 97 УПК РФ.

В-четвертых, положения главы 13 УПК РФ привести в соответствие с требованиями Минимальных стандартных правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением, в части обязательности получения согласия обвиняемого, подозреваемого на применение мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей, и соблюдения принципа минимального вмешательства.

В-пятых, следует реструктурировать действующую систему мер пресечения, изменив ее кардинально. В отношении любого обвиняемого, подозреваемого после приобретения им процессуального статуса должна применяться такая мера пресечения, как подписка о надлежащем поведении, объем ограничений (обременений) которой может варьироваться с учетом личности, тяже-

сти преступления и т. д. Перечень и объем применяемых ограничений определяется органом расследования по согласованию с обвиняемым, подозреваемым. При вынужденном согласии с примененными ограничениями с целью избежать тюремного заключения обвиняемый, подозреваемый вправе обжаловать решение органа расследования в судебном порядке. При наличии оснований для заключения под стражу орган расследования выносит постановление об избрании заключения под стражу и направляет его в суд для проверки законности и обоснованности. Обвиняемый, подозреваемый вправе ходатайствовать перед судом о своем освобождении под домашний арест или залог.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реализация сформулированных в настоящей статье предложений предполагает проведение широкой научной дискуссии по всему спектру обозначенных проблем, результатом которой станет разработка и обоснование новых подходов, взглядов на построение системы мер пресечения и содержание процессуального статуса обвиняемого, подозреваемого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sakoda R.T., Simes J.T. Solitary confinement and the U.S. Prison Boom // *Criminal Justice Policy Review*. 2019. Article in press.
2. Bazelon E. *Charged: The New Movement to Transform American Prosecution and End Mass Incarceration*. New York: Random House, 2019. 448 p.
3. Heaton P., Mayson S., Stevenson M. The downstream consequences of misdemeanor pretrial detention // *Stanford Law Review*. 2017. Vol. 69. № 3. P. 711–794.

4. Муравьев К.В. Оптимизация законодательства о мерах пресечения // Российский следователь. 2017. № 2. С. 29–33.
5. Михайлов В.А. Отдельные положения о мерах пресечения в уголовном процессе Республики Таджикистан // Публичное и частное право. 2017. № 2. С. 101–126.
6. Рудич В.В. Перспективы смены существующей модели механизма применения мер пресечения в контексте перехода к состязательному типу уголовного судопроизводства // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей. Томск: Томский государственный университет, 2018. С. 138–151.
7. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978. 391 с.
8. Рудич В.В. О гарантиях прав участников процедуры избрания меры пресечения по уголовному делу // Уголовное право. 2018. № S3. С. 114–117.
9. Азаренок Н.В. Основания и порядок применения запрета определенных действий // Уголовное право. 2018. № S4. С. 109–112.
10. Новикова Е.А., Винокуров Э.А., Лукьянчикова В.В., Архипцев И.Н. К вопросу о законодательном регулировании и практике применения мер пресечения, избираемых по решению суда в уголовном процессе России // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 4. С. 198–202.
11. Барабаш А.С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 184–190.
12. Зайцев А.О. Международно-правовые стандарты относительно оснований для избрания меры пресечения обвиняемому в виде заключения под стражу // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 3. С. 100–107.
13. Халиулин А.Г. Заключение под стражу: законность и необходимость // Уголовный процесс. 2008. № 7. С. 60–64.
14. Смирнов М.В. Условия применения мер процессуального принуждения на предварительном следствии // Российский следователь. 2003. № 4. С. 23–24.
15. Гершевский Ю.Р. Некоторые вопросы избрания меры пресечения в виде запрета определенных действий // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2. С. 124–128.
16. Орлов А.В. Актуальные проблемы реализации домашнего ареста в свете введения меры пресечения в виде запрета определенных действий // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 3. С. 48–51.
17. St. Louis S. Neighborhood Context and the Pretrial Process: Do Defendants Face Adverse Outcomes Due to Their Home Address? // Criminal Justice Policy Review. 2019. Article in press.
18. Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск: Омская академия МВД РФ, 2003. 320 с.
19. Головкин Л.В. Необходимость принятия организационных мер по преодолению негативных тенденций развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Закон. 2012. № 9. С. 70–82.
20. Калиновский К.Б. Запрет определенных действий как мера пресечения // Уголовный процесс. 2018. № 6. С. 9–12.
21. Марковичева Е.В. Запрет определенных действий в системе мер пресечения // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 82–83.

REFERENCES

1. Sakoda R.T., Simes J.T. Solitary confinement and the U.S. Prison Boom. *Criminal Justice Policy Review*, 2019, article in press.
2. Bazelon E. *Chargen: The New Movement to Transform American Prosecution and End Mass Incarceration*. New York, Random House Publ., 2019. 448 p.
3. Heaton P., Mayson S., Stevenson M. The downstream consequences of misdemeanor pretrial detention. *Stanford Law Review*, 2017, vol. 69, no. 3, pp. 711–794.
4. Muravev K.V. Optimization of the legislation on preventive measures. *Rossiyskiy sledovatel*, 2017, no. 2, pp. 29–33.
5. Mikhaylov V.A. Selected provisions on the preventive measures in the criminal procedure of the Republic of Tajikistan. *Publichnoe i chastnoe pravo*, 2017, no. 2, pp. 101–126.
6. Rudich V.V. Prospects for changing the existing model of the restraint measure application mechanism in the context of transition to an adversarial system of criminal proceedings. *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti: sbornik statey*. Tomsk, Tomskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2018, pp. 138–151.
7. Yudin E.G. *Sistemnyy podkhod i printsip deyatel'nosti: metodologicheskie problemy sovremennoy nauki* [System approach and the principle of activity. Methodological problems of modern science]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 391 p.
8. Rudich V.V. On guarantees of the rights of participants of the procedure of selection of a measure of restraint into a criminal case. *Ugolovnoe pravo*, 2018, no. S3, pp. 114–117.
9. Azarenok N.V. The grounds for and procedure of application of prohibition of particular actions. *Ugolovnoe pravo*, 2018, no. S4, pp. 109–112.
10. Novikova E.A., Vinokurov E.A., Lukiyanichikova V.V., Arkhipcev I.N. On the issue of legislative regulation and practice of application of preventive measures, elected by a court decision in the criminal process of Russia. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*, 2019, no. 4, pp. 198–202.
11. Barabash A.S. Objectives and grounds for bail hearings in criminal proceedings. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2015, no. 12, pp. 184–190.
12. Zaytsev A.O. International legal standards concerning the reasons for election the accused preventive measure in the form of detention. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2016, no. 3, pp. 100–107.
13. Khaliulin A.G. Pre-trial detention: legality and necessity. *Ugolovnyy protsess*, 2008, no. 7, pp. 60–64.
14. Smirnov M.V. Conditions of application of measures of procedural coercion during the preliminary investigation. *Rossiyskiy sledovatel*, 2003, no. 4, pp. 23–24.

15. Gershevskiy Yu.R. Some questions of election of a measure of restraint in the form of a ban on certain actions. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2019, no. 2, pp. 124–128.
16. Orlov A.V. Actual problems of house arrest in the context of new preventive measure prohibiting certain actions. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*, 2018, no. 3, pp. 48–51.
17. St. Louis S. Neighborhood Context and the Pretrial Process: Do Defendants Face Adverse Outcomes Due to Their Home Address? *Criminal Justice Policy Review*, 2019, article in press.
18. Bulatov B.B. *Gosudarstvennoe prinuzhdenie v ugolovnom sudoproizvodstve* [State coercion in criminal proceedings]. Omsk, Omskaya akademiya MVD RF Publ., 2003. 320 p.
19. Golovko L.V. The need for organizational measures to overcome the negative trends in the development of criminal and criminal procedure legislation. *Zakon*, 2012, no. 9, pp. 70–82.
20. Kalinovskiy K.B. Prohibition of certain actions as a preventive measure. *Ugolovnyy protsess*, 2018, no. 6, pp. 9–12.
21. Markovicheva E.V. Prohibition of certain actions in the system of preventive measures. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 2019, no. 1, pp. 82–83.

THE PROCEDURAL STATUS OF THE PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS AS A FACTOR DETERMINING THE CONTENT AND COMPOSITION OF THE PREVENTIVE MEASURES SYSTEM

© 2020

V.A. Lazareva, Doctor of Sciences (Law), Professor,
professor of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics
Academician S.P. Korolev Samara National Research University, Samara (Russia)
S.I. Vershinina, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: criminal procedural coercion; preventive measures system; detention; recognizance not to leave; procedural status of participants in criminal proceedings; powers of investigation bodies; procedural duties of the accused or suspect.

Abstract: The attempts of the Russian legislator to improve the system of preventive measures by introducing certain modifications to the criminal procedure code of the Russian Federation turned out to be ineffective. To solve this problem, the authors proposed the hypothesis that criminal procedural coercion should be considered as a system whose integrity and balance are determined by the internal and external factors. As one of the factors determining the content, structure, composition, and scope of the preventive measures institution, the authors considered the procedural statuses of officials and accused persons, suspects involved in legal relations on the application of preventive measures. According to the results of the study, based on the systematic approach and dialectical methodology, the authors formulated and justified proposals aimed at creating an optimal system of preventive measures, primarily by improving the procedural status of participants in criminal proceedings. In particular, they proposed: 1) to consider the application of preventive measures the responsibility of an official who performs procedural activities at the appropriate stage of the proceedings; 2) at the legislative level, to clarify the content of the control function of the court when applying preventive measures in pre-trial proceedings; 3) to add articles 46 and 47 of the Criminal procedure code of the Russian Federation with the provisions containing the full list of procedural duties of the suspect and the accused; 4) to differentiate the grounds for different types of preventive measures; 5) to establish the obligatoriness of obtaining the consent of the accused or suspect to apply preventive measures that are not related to detention; 6) to change the structure of the preventive measures institution, highlighting the main (subscription of appropriate behavior and detention) and alternative or additional (other types) of preventive measures.